

причин полной неудачи деятельности консервативных объединений законодательных палат Российской империи. Автор указывает лишь на менее яркие лозунги, негибкость лидеров, пропаганду левой печати, позицию «многих представителей власти», полагавших, что из-за устранения революционной угрозы черносотенцы уже не нужны и сотрудничество с ними лишь компрометирует правительство (этим объясняется, в частности, кризис правых, начавшийся, по мнению А.А. Иванова, уже в 1908 г.) и т.п. Между тем провал крайне консервативного курса имел более серьёзные причины, и, пожалуй, основной из них было распространение светского образования, которое вело к падению влияния религии и подрывало культурно-политические основы традиционной монархии. Как отмечал С.Е. Крыжановский, «с ростом и развитием образованных классов, без которых современное государство технически существовать не может, рождается у них потребность принять участие в управлении» и «потребность эта столь же неистребима, как и стремление есть и пить»³². В России в начале XX в. правые не могли опереться ни на образованные классы, ни на народные массы, в значительном большинстве добивавшиеся насильственного и масштабного передела собственности, и именно поэтому были обречены на поражение.

Кирилл Соловьёв: Многоголосье правых

Русские консерваторы начала XX столетия до сих пор не выходят «из моды». Публикуются многочисленные книги и статьи, посвящённые правомонархическому движению. И тем сложнее их писать: слишком уж тесно становится в этом историографическом пространстве. Почти каждой новой монографии приходится доказывать своё право на жизнь. Однако это лишь в малой мере относится к книге А.А. Иванова. И дело даже не в том, что сам автор – известный специалист по истории правых партий начала XX в., а монография написана живым языком и «населена» яркими персонажами с их страстями, талантами и пороками. Исследование А.А. Иванова выигрывает прежде всего благодаря выбранному сюжету.

Историк не может отрешиться от знания будущего своих героев. Это определяет всю «драматургию» его исследования вне зависимости от того, какой жанр он предпочитает – комедию или трагедию, оду или фарс. Изучающих консервативное движение это знание должно весьма озадачивать: как так могло случиться, что по-настоящему массовые, чрезвычайно влиятельные правомонархические партии рассеялись как дым в дни Февральской революции? И это относится не к отдельной организации, объединению, а ко всему правому лагерю в целом.

Изучая его, А.А. Иванов отказывается от довольно условных границ, отделявших думскую фракцию от группы Государственного совета. В этом – сильнейшая сторона данной работы. Ведь именно лидеры правой группы (П.Н. Дурново, А.А. Нарышкин, Ф.Д. Самарин и др.), чаще всего не будучи членами какой-либо партии, определяли лицо русского консерватизма. Может быть, в этом коренная и пока не вполне объяснённая черта правомонархического движения в России.

Русский консерватизм был чрезвычайно разнообразен в своих проявлениях: в его рядах были сторонники абсолютизма и его враги, апологеты Земского

³² Крыжановский С.Е. Воспоминания. СПб., 2009. С. 154.

собора и их беспощадные критики, защитники идеи широких социальных реформ и их непримиримые оппоненты. Это в полной мере сказалось и в отношении к «представительному строю»: правые его интерпретировали по-разному. Многих из них возмущал сам факт существования законодательного представительства. Они требовали его упразднения или, по крайней мере, преобразования в законосовещательный орган³³. Ф.Д. Самарин аттестовал Манифест 17 октября 1905 г. как «позорную капитуляцию» царской власти³⁴. Ему вторил один из лидеров правой группы Государственного совета Д.И. Пихно: «Что касается акта 17 октября, то я остаюсь в убеждении, что это была сдача не только перед революционным принципом, но и перед ничтожными силами революции, которые можно было разметать одним ударом и повернуть течение»³⁵. В ноябре 1905 г. среди консерваторов говорили и так: «Манифест 17 октября – акт вынужденный, стало быть, значения не имеет, как не имеет значения, например, вексель, подписанный под дулом пистолета»³⁶. Призывавший тогда «считаться с совершившимся фактом» А.А. Киреев летом 1907 г. выражал надежду на то, что Дума вскоре себя окончательно дискредитирует, и это вынудит императора пойти на коренное изменение государственного порядка³⁷.

Консерваторы предлагали реформировать «думскую монархию» ещё до начала работы I Думы. В ноябре 1905 г. С.Ф. Шарапов и кн. А.Г. Щербатов настаивали на созыве Земского собора, который бы восстановил поправленный самодержавный порядок³⁸. Согласно дневниковой записи, сделанной Л.А. Тихомировым 8 февраля 1907 г., И.Л. Горемыкин разрабатывал в это время «схему» Земского собора, считая необходимым отказаться от законодательного представительства³⁹. 9 августа 1907 г. гр. Д.А. Олсуфьев с подачи Л.А. Тихомирова убеждал П.А. Столыпина вернуться к идее превратить Думу в законосовещательное собрание⁴⁰.

И всё же многие правые, и в том числе – главные герои монографии А.А. Иванова, так или иначе приняли конструкцию «представительного строя». Выступая в клубе националистов в Киеве, гр. А.А. Бобринский отмечал: «Никто из думских корифеев справа – не враг принципу представительства, иначе что нудило бы этих людей идти в Думу?»⁴¹. По мнению одного из лидеров правых в III Думе А.С. Вязигина, и нижняя, и верхняя палаты были «законосоставительными» учреждениями: самодержец мог произвольно менять сферу их компетенции, однако ему следовало прислушиваться к голосу представительных органов, дабы не обесмысливать собственную волю, провозгласившую их учреждение⁴². 18 февраля 1910 г. Н.Е. Марков утверждал с думской трибуны: «Конституционный строй или самодержавный строй... находится не в руках исполнительной власти, а в руках народа. Русский народ вручил полную свою власть 300 лет тому назад самодержцам всероссийским, являющимся...

³³ Правые партии: Документы и материалы, 1905–1910 гг.: В 2 т. Т. 1. М., 1998. С. 210–211.

³⁴ ОР РГБ, ф. 265, к. 153, д. 3, л. 13 об.

³⁵ Письма Д.И. Пихно С.Ю. Витте (1906–1907 гг.) // Английская набережная, 4: Ежегодник. СПб., 2000. С. 403

³⁶ Киреев А.А. Дневник, 1905–1910 / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2010. С. 109.

³⁷ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 214, л. 22.

³⁸ ОР РГБ, ф. 265, к. 153, д. 3, л. 17.

³⁹ Из дневника Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1933. № 6. С. 90.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 634, оп. 1, д. 101, л. 117а.

⁴¹ РГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 301, л. 6.

⁴² В парламентских кругах: Впечатления // Речь. 1911. 13 марта. № 70.

единственным представителем воли народной..., единственным представителем народовластия, и только от них, от самодержцев всероссийских, зависит тот или другой строй управления государством. Они только одни представляют русский народ, а мы с вами, господа, участвуем в представительном строе, но всё-таки мы не представители русского народа»⁴³. В данном случае Марков был не одинок. 26 апреля 1914 г. Г.А. Шечков объявил на общем собрании Думы: «Я себя не считаю народным представителем, а считаю, что я, как и все прочие, выбран от партии, а не от народа; я свидетель о жизни народной». По залу заседаний «прокатился» смех, однако Шечков продолжал: «Это гораздо выше, чем быть представителем. Барон Мейендорф покатывается со смеха от моих слов. Я очень рад его весёлому настроению, но остаюсь при своём убеждении»⁴⁴.

Иными словами, по мнению правых, Манифест 17 октября был своего рода призывом императора к подданным помочь ему своим советом⁴⁵. По этой причине верноподданный не мог игнорировать Думу, Государственный совет, видя в них ближайших «коллективных сотрудников» монарха. Не признавать их – значит выступать против царской воли. 23 мая 1908 г. Н.Е. Марков заявлял на пленарном заседании Думы, обсуждавшей смету Морского министерства: «Мы должны сказать по нашей совести, по нашему разумению, как думаем мы по поводу морских дел. Если бы Государь не желал знать мнение наше, нужно ли строить броненосцы или не надо строить броненосцы, он не приказал бы своему правительству принести смету морского ведомства на наше рассмотрение. Раз смета морского ведомства поднесена Государственной думе на рассмотрение по приказу Его императорского величества, то всякий, не желающий рассматривать оную смету, есть изменник»⁴⁶.

Далеко не все участники этой дискуссии состояли в правых партиях, которые, в свою очередь, не стали наиболее значимыми «дискуссионными площадками» для русских консерваторов, часто предпочитавших оставаться вне каких-либо партийных организаций. Вероятно, такое объединение могло бы возникнуть весной 1905 г., когда наиболее видные представители консервативной мысли пытались составить партию, которая отвечала бы их вкусам и темпераменту. Пожалуй, самый яркий пример тому – «Отечественный союз». Уже с января 1905 г. в «высших сферах» стали образовываться кружки, где обсуждались перспективы реформирования государственного строя. В работе одного из таких объединений приняли участие товарищ министра финансов кн. А.Д. Оболенский, министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, начальник Главного управления уделов кн. В.С. Кочубей, петербургский губернатор А.Д. Зиновьев и т.д. Кружок защищал политические взгляды славянофильского толка, отстаивал идею созыва законосовещательного представительства⁴⁷. К апрелю 1905 г. окончательно оформился отнюдь не малочисленный «Отечественный союз» (судя по анкетам, он насчитывал чуть более 350 членов), также выступавший с позиций неославянофильства⁴⁸. Состав его был весьма вну-

⁴³ Государственная дума. III созыв. Стенографические отчёты. 1909–1910 гг. Сессия третья. Ч. 3. СПб., 1910. Стб. 1810.

⁴⁴ Там же. IV созыв. Стенографические отчёты. 1913–1914 гг. Сессия вторая. Ч. 3. СПб., 1914. Стб. 1178.

⁴⁵ Правые партии: Документы и материалы... Т. 1. С. 502.

⁴⁶ Государственная дума. III созыв. Стенографические отчёты. 1907–1908 гг. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 1345.

⁴⁷ РГАДА, ф. 1412, оп. 8, д. 292, л. 175 об.

⁴⁸ ОР РГБ, ф. 126, к. 14, л. 34.

шителей: 35 представителей титулованной знати, 8 сенаторов, 15 генералов, 41 предводитель дворянства (из них 8 губернских), член Государственного совета А.С. Стишинский, начальник Земского отдела МВД В.И. Гурко, правитель канцелярии министра внутренних дел Д.Н. Любимов, директор канцелярии МВД по делам дворянства Н.Л. Мордвинов, директор департамента личного состава и хозяйственных дел МИД А.И. Буксгевден⁴⁹.

Впрочем, процесс консолидации, поиск организационных форм шёл и среди высшей бюрократии более консервативных убеждений. Так, зимой–весной 1905 г. регулярно происходили совещания на квартирах членов Государственного совета Б.В. Штюрмера и гр. С.А. Толя⁵⁰ и председателя особых совещаний об охране государственного порядка и по вопросам веротерпимости гр. А.П. Игнатьева⁵¹. Однако и эти встречи не положили начало политическим партиям.

Задуманные проекты не реализовались. Возможно, как раз по причине их чиновничьего характера. Действительно, трудно представить тактику оппозиционной партии высокопоставленных бюрократов. Тем не менее русская консервативная мысль имела своих ярчайших представителей, в том числе (а может быть, и прежде всего) среди государственных служащих. Их трудно было подчинить партийной дисциплине. Они были самостоятельны в оценках, обладали немалым административным опытом. Силою обстоятельств им отводилась роль «корифеев». Созданным же массовым организациям во многом приходилось вторить своим беспартийным лидерам.

Сами же партии раздирали внутренние противоречия, не было единодушия и в думской фракции правых: лидеры не доверяли друг другу и даже испытывали взаимную антипатию. 23 ноября 1911 г. один из предводителей правых А.С. Вязигин писал жене: «Вообще я чувствую, как растёт у меня отчуждение от грубого и насильственного направления, которое мне было всегда не по душе». В качестве примера он приводил недавнюю драку двух правых депутатов – М.А. Сушкова и Г.А. Шечкова⁵². Вязигин считал, что Г.Г. Замысловский и Н.Е. Марков завидовали ему и постоянно строили против него козни⁵³. Уже в IV Думе, в конце октября 1912 г., А.Н. Хвостов (в скором будущем – председатель бюро фракции правых) признавался, что ему ближе позиция националистов и лично гр. В.А. Бобринского, нежели «соратников» по депутатскому объединению. Но «пока он считает более полезным сесть к крайним правым, дабы повлиять на них умиротворяюще. Если же ему это не удастся, то он перейдёт к националистам»⁵⁴.

Входившие во фракцию крестьяне и священники далеко не всегда поддерживали своих лидеров. Так, в начале 1913 г. они выступили против тактики

⁴⁹ Там же, л. 34, 38 об.; РГАДА, ф. 1412, оп. 2, д. 276, л. 2–3, 7–12, 14–15, 17, 19, 22, 24, 26–38, 47, 49–51, 53–55, 58, 60–61, 66–69, 72, 74, 82, 84, 94, 96–97, 105–109, 113–114, 117–118, 120, 122, 124–125, 127–128, 130–131, 133, 136, 139–140, 143, 153–154, 166, 168, 197, 205, 227, 256, 262, 284, 300; д. 277, л. 304–305, 339–340, 344, 355, 360, 389, 401; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 450–452.

⁵⁰ РГАДА, ф. 1412, оп. 8, д. 292, л. 177 об., 198, 200.

⁵¹ ГА РФ, ф. 588, оп. 1, д. 323, л. 4–8.

⁵² Противоречия возникли при обсуждении в ноябре 1911 г. проекта Городового положения в Царстве Польском (ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 514, л. 14).

⁵³ Там же, д. 558, л. 297.

⁵⁴ Там же, д. 580, л. 2442.

руководства, нацеленной на скорейший роспуск Думы. Г.Г. Замысловский и А.Н. Хвостов были вынуждены отказаться от прежних планов⁵⁵. Правые крестьяне отстаивали необходимость сохранения Думы и в марте 1913 г.⁵⁶ В июне 1913 г. 25–30 священников и крестьян, раздражённых позицией фракционного руководства, были уже готовы покинуть объединение и присоединиться к националистам. 20 «интеллигентных членов» группы были склонны поддержать эту инициативу⁵⁷. Такая угроза, подобно дамоклову мечу, постоянно висела над фракцией. По словам члена Государственного совета С.С. Бехтеева, правым приходилось регулярно «ухаживать» за депутатами-крестьянами, чтобы те не перешли к левым⁵⁸.

Это «ухаживание» давало самые неожиданные результаты. Так, в III Думе, пытаясь установить контроль над «соратниками» из крестьян, руководство фракции многих из них поселило в общежитии на Захарьевской улице в Петербурге. Учреждением заведовала В.Н. Степанова-Дезобри. Здесь депутатов ждал довольно скромный обед, комнаты по 6–8 кроватей и суровый, почти тюремный режим. Народные избранники должны были рано вставать, присутствовать на утренних и вечерних молитвах, им запрещалось принимать гостей, отлучаться надолго куда-либо⁵⁹. Им отказывали в праве вступать в крестьянскую группу, читать многие газеты («Речь», «Слово» и т.д.), принимать корреспондентов печатных изданий. 16 января 1908 г. депутаты подняли бунт против своих «благодетелей». Представители правых – о. С.И. Соловьевич и о. Н.Е. Гепецкий – открыто угрожали «восставшим» расправой⁶⁰. На следующий день в каждой комнате общежития крестьяне группами по 6–7 человек обсуждали сложившееся положение. Единодушия не было. Кто-то предлагал срочно выехать с Захарьевской улицы, кто-то молчать, но не подчиняться. Некоторые же были готовы временно смириться с выставляемыми требованиями. В самом скором времени один из постояльцев всё-таки пошёл на заседание крестьянской группы. Степанова-Дезобри решила устроить над ним судилище. Однако последствия оказались неожиданными. Большинство собравшихся крестьян отказалось следовать «правилам» общежития⁶¹. «Живопырня» начала пустеть: сперва её покинули 16 депутатов, потом ещё 6. Среди оставшихся шло брожение. Правые безуспешно пытались повлиять на «взбунтовавшихся». Из Почаевской лавры прислали крестьянам 100 руб. на бытовые расходы. Однако никто ими не желал воспользоваться. Степанова-Дезобри угрожала отступникам. Те же отвечали: «Мы приехали законодательствовать, а не к бабе в школу». Степанова устала препираться с крестьянами, заболела и слегла в постель. На квартиру пригласили царицынского иеромонаха Илиодора, дабы «исцелить» «порченных». Его слова не возымели действия. В «живопырне» оставалось лишь 17 депутатов⁶², а через месяц, в конце февраля, их было уже 15⁶³.

⁵⁵ Там же, д. 920, л. 465.

⁵⁶ Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 гг. // Вопросы истории. 1999. № 4–5. С. 5.

⁵⁷ Там же // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 23.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 310, л. 26.

⁵⁹ Среди крестьян-депутатов // Старая почта. 1908. 20 января. № 216.

⁶⁰ Там же. 18 января. № 214.

⁶¹ Там же. 20 января. № 216.

⁶² Русь. 1908. 29 января. № 28.

⁶³ Старая почта. 1908. 28 февраля. № 249.

Это частный случай, демонстрирующий пропасть, отделявшую лидеров правых от «рядовых» депутатов. Ещё сложнее было работать с низовыми партийными структурами. Правые организации, в сущности, не решали те задачи, которые должны были стоять перед общенациональной партией. Они были чрезвычайно «рыхлыми» и с идейной, и с организационной точки зрения. В эти объединения не входили даже те, кто определял лицо русского консерватизма того времени. «Рождённые революцией» партии не соответствовали задачам быстро менявшейся политической системы. Они так и не стали механизмом консолидации элит с целью борьбы за парламент и в парламенте. Книга А.А. Иванова как раз о нестройном многоголосье правых, о том, как они «плыли по течению», не имея возможности на него повлиять, как им приходилось добиваться ролей в чужом спектакле, финал которого совсем не требовал их участия.

Сергей Куликов: О правых, неправых и прочих

За последние 25 лет появились сотни монографий, статей, рецензий и сборников документов, посвящённых истории русского консерватизма. Казалось бы, трудно сказать о нём новое слово, однако книга А.А. Иванова опровергает подобное предположение. Как представляется, именно совокупное изучение правых обеих «палат» российского «парламента» во время Первой мировой войны позволяет получить наиболее точное представление о феномене русского консерватизма начала XX в. и его роли в событиях, непосредственно предшествовавших падению монархии.

Напротив, было бы ошибкой пытаться понять это явление, исходя не из исторического контекста дореволюционной России, а из некой абстрактно конструируемой вневременной консервативной идеологии. Подобные опыты ведут лишь к появлению новых штампов, сужающих поле исследовательского поиска. К тому же сами понятия «консерватизм», «консерватор», «правые», в силу своей популярности, сейчас настолько «заездились» и «замылились», что зачастую теряют всякое содержание. Один и тот же персонаж, независимо от пережитой им идейной эволюции, под пером иного автора предстаёт то как «правый», то как «неправый», то просто «монархистом», то «правомонархистом».

Одним из несомненных достоинств монографии А.А. Иванова является её терминологическая чёткость, основанная на самоидентификации и формальной принадлежности политических деятелей к соответствующим объединениям. Вместе с тем это не ведёт к преувеличению идеологической гомогенности думской фракции правых и правой группы Государственного совета, напротив, позволяет выявить существовавшие между ними различия, обусловленные причинами как объективного, так и субъективного порядка.

Хотя, как отмечает А.А. Иванов, в своих представлениях правые традиционно опирались на уваровскую триаду, это лишь свидетельствует о её амбивалентности и эластичности. Действительно, исповедуя «православие», в начале XX в. можно было оставаться сторонником синодальной системы или же сочувствовать её замене патриаршеством, не говоря уже о спорах между «никонианами» и «старообрядцами» (реабилитированными указом 17 апреля 1905 г.), ортодоксами и имяславцами и т.д. «Самодержавие» также могло пониматься (и понималось) по-разному: либо как абсолютизм, либо как